

Юрий Олеша

Рассказы

Одесса, 1913

Два дебюта

Меня впервые в Одессу привел не Хлебников, которым я уже занимался несколько лет, не Маяковский и его поэма «Облако в штанах», а Исаак Бабель. И это не его «Одесские рассказы», а его первый рассказ «Старый Шлойме». В середине 60-х годов, работая в киевской «публичке» (сейчас это – Национальная библиотека Украины), я обнаружил в дореволюционном журнале «Огни» (Киев, № 6, 9 февраля 1913) ранее неизвестный рассказ И. Бабеля «Старый Шлойме». В автобиографии И. Бабель уверял, что он начал печататься в 1916 году в горьковской «Летописи». Почему Бабель никогда не упоминал о своем дебюте в киевском журнале «Огни» за три года до «Летописи», сказать трудно. Видимо, он считал рассказ «Старый Шлойме» слабым.

Я послал этот рассказ Бабеля в Одессу своему приятелю Евгению Голубовскому, и он опубликовал его в сборнике «Горизонт» в 1967 году. Вскоре рассказ вошел в научный обиход. С этой публикацией случилась неприятная история. Критик Лев Левицкий, автор книги о К. Паустовском (1963), упоминает в ней о том, что Паустовский дебютировал в том же журнале «Огни», но годом раньше – в 1912 году. Упоминал он и о дебюте И. Бабеля. Я беседовал с Левицким в «Новом мире», где он тогда работал. Пытался объяснить ему, что я нашел рассказ Бабеля независимо от его книги, которую я тогда еще не читал. Я ему рассказал, что разыскал дочь редактора журнала «Огни» О. Прохаско и некоторых его сотрудников. Дочь О. Прохаско подарила мне несколько номеров этого уникального журнала. Пытался реконструировать обстановку в журнале, в котором дебютировал Бабель. Видимо, Левицкий тогда не поверил мне. Недавно один из его друзей в своей статье вспомнил

ловь, создались такие отношения между нами, учениками и имъ, учителямъ, которые переходили всякія границы. Дошло до того, что нѣкоторые изъ насъ, цѣлы, говорили ему дерзости...
(Продолженіе будетъ).
Старый Воробей.

Шуточные стихотвор. дяди Антона.

1.
Основательная жалоба трактирника
„Почему же такъ злоба
И сданы и сданы:
Бакъ и пиво злосѣ!
„Питье она трудна!
„Почему зѣтъ бѣдушка:
Чѣмъ славу заслужилъ?
Ахъ, слава важнѣе!
Амерку открылъ,
И труднѣе зѣтъ труднѣе
И зѣтъ важнѣе,
И сданы не больше!
Открытъ... потѣшилъ дочку!“

2.
„Нашелся“.
Зеркала,
Ушраня,
Шалунушка Ваня!
Что онъ модъ,
Тѣмъ она рада,
Коръ чинитъ ты въ клѣткѣ?
Удѣлюшка,
Удѣлюшка,
Наша шалунушка,
Пустышка,
Добрышка,
Тѣмъ чинитъ шалунушка,
„Зѣтъ желтъ!“

къ имѣнію находившееся въ Могилевской губерціи. Цѣкне это романтич. мой пріобрѣтѣи кака развѣтъ, тогда съѣлъ, когда я оставилъ имъ гимназію. Но этого еще принадлежалъ богатому барону, вышедшему изъ Венгрии (его фамилія была, кажется, Реншоу).

Онъ былъ вѣнокъ и имѣлъ, сдѣланнымъ сыма девяти лѣтъна Эрнста, котораго бѣднѣе придѣлалъ. Сначала Эрнстъ казался верховомъ, пробѣжнать черезъ зѣтъ, гдѣ были заступнута грозой, но время которой его убилъ молніей. Когда крестьяне принесли въ вѣдѣнный имъ въ бѣду трупу Эрнста къ барону, онъ въ отчаяній поочувствовалъ съ собой. Имѣніе досталось брѣну барона, отдаленному купецк. и жоту. И онъ, усматривая бѣднѣе, пошелъ къ какому-нибудь капиталу, но не имѣлъ никакого имущества, продать имѣніе никакъ не удалось.

— Въ это время среди крестьянъ распространились слухи, что въ бѣду гдѣ отпѣлъ Эрнстъ покаянство, и какому-нибудь верховомъ, на бѣдѣ мой доложилъ это царю Эрнсту. Малое тому году въ ноябрѣ или этого пріѣзда гдѣто въ университетъ, между крестьянами, и было много преданій, и много знаменій, которые увидѣны были въ, которые увидѣны были въ. Этого легенды въ рѣзъ и я. Но теперь, два года послѣ пріобрѣтенія имѣнія

дана, въ несколькихъ шагахъ отъ себя увидѣлъ высокую бѣдуго яшнѣ и верховомъ на ней маленькаго курдючнаго мальчишка... Волосы на головѣ у меня зашевелились, на лобѣ выступили предѣлы взлозднаго пота, и цѣло вскрикнуть и потерять сознаніе...

— Очнувшись, я увидѣлъ себя въ избѣ тѣсника. И лежалъ на землѣ, вѣдѣтъ которой стоялъ тѣсникъ Эрнста и вѣдѣтъ какой-нибудь Янша, бывающей тогда моимъ первымъ помощникомъ въ продажѣ...

— Что, баринъ, покуда вы не участвовали спрашивать Эрнста чай, думая, барушка этотъ встрѣтилъ, котораго убилъ молніей? А это Янша на Сибирѣ съ маленькимъ поваромъ, а на думая — пріѣхавъ!

Я посмотрѣлъ на Яншу, на его курдючною голову и съжался.

Докторъ замолчалъ, я вѣдѣтъ, усмѣхнѣсь, добавивъ:

— Такъ вотъ, что со мной случилось... Нѣтъ никакихъ приравокъ, а вы говорите о духѣ! Ерунда это!
Трубка доктора потакала, и стонъ какому-то конуса въверху.
Марія Малюковская.

Отъ редакціи.

Но несомнѣнно литературна и исторична — произведенія романа „Нашелся“, забраннаго нашими редакторами, было замечано и помѣщено въ № 20

обѣтанныи кончатся, и кажется ему не дурной партией, а такой и унылой комнаткой...

Сегодня покажь, моего сопроводителю Алексея, въ садѣ Эрнста, домыслъ бѣдуго, 5-то минутную остановку, томъ городѣ гдѣ зѣтъ Александръ Василевичъ. Но не радовало его. Наоборотъ присутствіе чего-то такое, казалось, лежать на его зѣтъ... Сильной рукой брѣдъ, онъ, угодъ въ томъ, не рѣгичнѣе и зѣгичнѣе, разгорится пламя и я, протягивать языкъ къ Александру Василевичу, и противъ зѣтъ углы... Весь зѣгичнѣе, колотилъ сп Александръ Василевичъ, илюминаціи и жидко гдѣ впередъ...

Но вотъ уже некая мелкая съ знакомой ему иная зѣтъ стрѣлочника, и уже покажь и платформѣ, точно курдючна въ зѣтъ, въ, вѣчно кончатся не пини. Жиданымъ взоромъ видѣтъ Александръ Василевичъ, на голову, стоящую познѣла, на рождѣны зѣтъ, не видѣтъ. Тѣсное присутствіе несе больше и гдѣ гдѣтъ его сердце... И тѣтъ ерѣвъ остановилъ, тѣтъ взоронуть и жидко медленно впередъ. Въ прѣмъ зѣтъ покажь прѣмъ поваромъ, Василевичъ зѣтъ рѣжка наномини 20

доктор журнала «Октябрь») в связи с 120-летием со дня рождения В.В. Маяковского. На вечеру в Литературном музее, посвященном выходу очередного номера альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», я подарил Е. Голубовскому два неизвестных рассказа Ю. Олеси – «Случай» и «Скрипка».

Интересна история находки этих текстов. Моя близкая приятельница из Нью-Йорка Сима Блох (Ройтман) напечатала эти рассказы Олеси в сборнике, приуроченном к моему 75-летию, который вышел на днях – «Авангард и остальное». Во время подготовки к печати сборника Ю. Олеси «Избранное» (1974) она обнаружила в ЦГАЛИ (ныне – РГАЛИ) его запись в альбоме А. Крученых: «Еще раньше напечатал в одесской газете (между прочим, «Гудок») для детей, но от имени взрослого рассказ «Случай», не помню за какой подписью». Это был дебют Ю. Олеси. В одесской научной университетской библиотеке ей удалось разыскать подшивку ежедневной детской газеты «Гудок». В двух номерах этой

въ налич-
жели въ
ствѣ, про-
родите-

мя среди
инхъ это
ились слу-
ѣ погибъ
маленькій
на бѣлой
къ Эрика..
въ появ-
а твердо
крестья-
го среди
ые увѣря
и глазами
гендѣ въ-

Я посмотрѣлъ на Яшку,
на его кудрявую голову и
засмѣялся.

Докторъ замолчалъ, а за-
тѣмъ, улыбаясь, добавилъ:

— Такъ вотъ, что со мной
случилось... Нѣтъ никакихъ
призраковъ, а вы говорите о
нихъ! Ерунда это!

Трубка доктора погасла, и
синій дымокъ взвился кверху.

Марія Малиновская.

Отъ редакціи.

По недосмотру типографіи
нѣкоторыя „произведенія“
юныхъ писателей, забрало-

впередъ...

Но вотъ
мелькаетъ и
ный флагъ с
уже вокзалъ
точно мурав
кѣ, вѣчно в
щики. Жадн
дитъ Алекса
на толпу, ст
зала, но ро
не видитъ.
ствіе все
грызеть ег
шель сроки
здѣ вздрои
медленно
время мимо
пожарные.

газеты (от 3 и 17 января 1913) С. Блох обнаружила два рассказа, «Случай» и «Скрипка», подписанных псевдонимом «Марія Малиновская», которые, вне всякого сомнения, принадлежат Ю. Олеше. Она любезно разрешила перепечатать эти рассказы в журнале «Октябрь».

Александр Парнис
Москва

Случай

Рассказ доктора

Доктор улыбнулся и сказал:

— Смешно мне, право, слушать, как это вы все говорите о при-
видениях и тому подобной ерунде, ахаете, ужасаетесь... Никаких
призраков нет, не верьте! Я расскажу вам об одном случае, проис-
шедшем со мной, благодаря которому я стал отрицать всякую
возможность их появления... Слушайте!

Доктор отпил немного чаю из своего стакана и начал рассказ.

– Это случилось уже давно, лет тридцать тому назад, когда я был еще учеником. Учился я тогда в Могилевской гимназии и, окончив зимние занятия, уже учеником третьего класса приехал на лето к родителям в имение, находившееся в Могилевской губернии. Имение это родители мои приобрели как раз в тот год, когда я поступил в гимназию. До этого оно принадлежало богатому барону, выходцу из Венгрии (его фамилия была, кажется, Реннен).

Он был вдов и имел единственного сына, девятилетнего Эрика, которого безумно любил. Однажды Эрик, катаясь верхом, проезжал через лес, где был застигнут грозой, во время которой его убило молнией. Когда крестьяне принесли найденный ими в лесу труп Эрика к барону, он в отчаянии покончил с собой. Имение досталось брату барона, отъявленному кутиле и моту, и он, усматривая большую пользу в наличном капитале, нежели в недвижимом имуществе, продал имение моим родителям.

В это время среди крестьян, населявших это имение, распространились слухи, что в лесу, где погиб Эрик, появляется маленький мальчик верхом на белой лошади – это призрак Эрика... Мало-помалу вера в появление этого призрака твердо укоренилась между крестьянами, и было много среди них таких, которые уверяли, что собственными глазами видели его. Этой легенде верил и я. Но через два года после приобретения моими родителями имения со мной произошел случай, после которого я, слушая разговоры о привидениях, только иронически улыбался. Это случилось, как я вам уже сказал, в то лето, когда я, перейдя в третий класс гимназии, приехал к родителям в имение. Здесь все еще говорили, что призрак сына барона появляется. К этому я стал относиться с некоторым недоверием, но все же не отрицал вполне правдоподобности этой легенды. В имении я предался всем удовольствиям деревенской жизни: катался верхом, охотился, удил рыбу...

Однажды, не помню почему, мне пришлось вечером возвращаться домой лесом. Была ясная лунная ночь, так что я без труда пробирался между деревьями. Пришлось идти очень долго. Я шел скоро, гонимый страхом, возбуждавшимся воспоминаниями о призраке. Я даже жалел, что не пошел другой дорогой, хотя тогда мне пришлось бы сделать лишних полверсты... Но представьте

мой ужас, когда я, выйдя на поляну, всю залитую сиянием луны, в нескольких шагах от себя увидел высокую белую лошадь и верхом на ней маленького кудрявого мальчика... Волосы на голове у меня зашевелились, на лбу выступили капельки холодного пота, я дико вскрикнул и потерял сознание...

Очнувшись, я увидел себя в избе лесника. Я лежал на лавке, возле которой стоял лесник Фома и маленький цыганенок Яшка, бывший тогда моим первым помощником в проказах.

– Что, барин, испугались? – участливо спрашивал Фома. – Чай, думали, барчука того встретили, которого убило молнией?.. А это Яшка на Снегире с мельницы возвращался, а вы думали – призрак!

Я посмотрел на Яшку, на его кудрявую голову и засмеялся.

Доктор замолчал, а затем, улыбаясь, добавил:

– Так вот что со мной случилось... Нет никаких призраков, а вы говорите о них! Ерунда это!

Трубка доктора погасла, и синий дымок взвился кверху.

Март, Малиновская

Скрипка

Старый Соломон умер. Умер неожиданно для Исаака, который широко раскрытыми изумленными глазами смотрел на вытянувшееся тело отца. Соломон никогда не болел, никогда ни на что не жаловался. Целыми днями ходил он по дворам со своей скрипкой и, играя на ней, зарабатывал несколько копеек в день.

Вчера он пришел поздно, не заработав ни гроша, голодный, продрогший, лег на кровать и ничего не говорил весь вечер. Ночью Исаак слышал тихие стоны. На другой день Соломон, против обыкновения, не пошел на заработки, что несказанно удивило Исаака, а к вечеру Соломон умер...

Исаак долго сидел у кровати и смотрел на труп отца. Он чувствовал, как что-то подступало к горлу и сдавливало его...

Утром в комнату приходил дворник, приходил еще какой-то господин с портфелем, позже пришли люди с носилками и унесли труп. Когда они возились возле кровати, Исаак, забившись в угол комнаты, все тем же удивленным взглядом смотрел на них. Один из них, высокий, плечистый с рыжими усами спросил другого, указывая на Исаака:

– А что с хлопцем будет?

Что ответил другой, Исаак не расслышал.

Мальчик все сидел в углу, устремив глаза в ту сторону, где стояла кровать. Он долго сидел. Тени сгущались, и сумрак наполнял комнату. Черным резким пятном выделялась на сером фоне стены скрипка. Глядя на нее, Исаак вспомнил, как отец учил его играть на ней. Теперь Исаак умел играть все те песенки, которые играл его отец, расхаживая по дворам. Исаак снял со стены скрипку, взял смычок, и звуки полились... Они ширились, росли и то звонко оглушали всю комнату, то тихо, жалобно дрожали... Слезы текли по щекам мальчика. Он играл, изливая в звуках всю свою скорбь. Он играл долго, в комнате стало совсем темно.

Скрипка рыдала...

На следующий день Исаак никуда не выходил: он сидел в углу и играл. Играл, забыв обо всем, весь отдавшись звукам, волной разливавшимся по комнате. Он вспоминал отца, видел его вечно скорбное лицо, слышал его тихий, покорный голос, видел свою худую чахоточную мать, вспоминал свое детство, обиды и горечь, вспоминал всю жизнь свою... Он играл и рыдал вместе со скрипкой...

Вдруг дверь комнаты открылась и на ее пороге показался дворник. Словно в тумане, Исаак увидел его бородатое лицо и будто издали услышал грубый голос:

– Ты что разыгрался, ошалел что ли? Все жильцы жалуются! Тоже музыкант! Брось играть!

– Вот что, малец, – продолжал дворник, – хозяин денег за комнату требует, батька твой помер, платить тебе нечем... Я этот струмент и занесу хозяину вместо платы, а ты сиди здесь, покамест полиция вмешается...

Дворник взял скрипку и вышел.

Когда стало темнеть, Исаак вышел на улицу. Густой туман опустился на город и изменил очертания домов. Он превратил их в уродливых, неуклюжих великанов, а фонари магазинов – в мутные расплывчатые пятна. Мелкими капельками садился он на крыши домов, на мостовую, на спины прохожих, спешивших домой укрыться от ненастной погоды. По мокрой мостовой с ревом проносились автомобили, катились экипажи. Исаак шел, не обращая внимания на окружавшую его жизнь. Красные, воспаленные глаза его были устремлены в пространство. Он не знал, куда идет, ему было все равно, он не имел отца, у него отняли скрипку, которой он мог поведать свое горе...

Публикация Серафимы Блох (Нью-Йорк)

Подарено Александром Парнисом (Москва) для публикации в журнале «Октябрь» и альманахе «Дерибасовская – Ришельевская»

